

Репрессии и закон*

К анализу современного сословного государства

Симон КОРДОНСКИЙ

В работе «Ресурсное государство»** я попытался показать, что в последние годы в России идет восстановление народного (ресурсного) хозяйства, неправомерно интерпретируемое как экономический рост. Параллельно с восстановлением народного хозяйства воссоздается и сословная структура, вопреки мнению о становлении демократии. Одновременно минимально сохраняется постперестроечная инерция формирования принципиально не сословных – рыночных – отношений и тенденция к классовому расслоению на богатых и бедных***.

Между складывающимися сейчас сословной и классовой стратификациями нет однозначных отношений, и априори нельзя сказать, что принадлежность к служивым постсоветским сословиям автоматически приводит к членству в высшем классе по уровню потребления. Сословное неравенство, воплощаемое в системе законов о разного рода государственных служениях и службах, в повседневной жизни постепенно становится более значимым, чем формальное конституционное равенство граждан Российской Федерации.

Борьба за правильное, целевое использование ресурсов составляет содержание внутренней жизни сословного устройства. Нецелевое использование ресурсов, и тем более их расхищение, осуждается сословной моралью и преследуется согласно порядку управления – специфической для сословного устройства формы регулирования отношений по сбору, хранению и распределению ресурсов. За сотни лет сословной истории накоплен огромный опыт борьбы с нарушениями порядка использования ресурсов, в том числе и репрессивный. Этот опыт показывает, что даже сажание на кол в индивидуальном порядке не очень умеряет аппетиты расхитителей. Гораздо эффективнее оказался институт массовых ре-

прессий, в полной мере примененный во времена строительства социализма в отдельно взятой стране и, естественно в меньших масштабах, используемый всеми правительствами страны в периоды «наведения порядка». При массовых репрессиях сажают на кол не отдельных представителей сословий, а все сословие целиком. Именно репрессии всего состава сословий, приспособившихся использовать ресурсы нецелевым образом или оказавшихся не адекватными смене целей на конкретном этапе строительства нового общества, позволило осуществить коллективизацию и индустриализацию СССР. Такой способ регулирования межсословных отношений, сопряженный с использованием принудительного труда членов репрессированных групп, обеспечил очень высокие темпы модернизации народного хозяйства СССР. Членов «зажравшихся» (то есть неумеренно активных в сборе сословной ренты) сословий «ставили к стенке» в полном составе, как это произошло с несколькими поколениями командного состава чекистов, или переводили в сословие заключенных, работавших на стройках народного хозяйства. Эту самую мобильную часть «трудовых ресурсов» обеспечивало народному

* Статья представляет собой фрагмент из книги Симона Кордонского «Сословия и классы в современной России» (книга находится в печати).

** «Ресурсное государство: реконструкция прошлого». <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=641>.

*** Такая гипотеза вполне может претендовать на объяснение того, почему современные социологи никак не могут найти средний класс в нашем общественном устройстве – просто потому, что его пока нет, как нет низших и высших классов. Вместо классов формируются более или менее привилегированные сословия, права и повинности которых закреплены в законе.

хозяйству ГПУ—ОГПУ—НКВД—МВД, выполнявшее волю ВКП(б)—КПСС. Обилие советских сословий позволяло локализовать репрессии на одном или нескольких из них для того, чтобы обеспечивать трудовыми ресурсами социалистическое строительство и в то же время разрушать систему нецелевого использования ресурсов, которую выработывали эти сословия. Без массовых репрессий расхищение ресурсов и их нецелевое использование подрывают основу сословного общества — систему справедливого распределения.

Сословное неравенство, воплощаемое в системе законов о разного рода государственных служениях и службах, в повседневной жизни постепенно становится более значимым, чем формальное конституционное равенство граждан Российской Федерации

Репрессивный способ регулирования межсословных отношений был специфичен для СССР 20—50-х годов XX века. После смерти Сталина была утеряна политическая воля, необходимая для масштабного репрессивного регулирования межсословных отношений, и сословная система закоснела. Послесталинские сословия так «приспособились» к нецелевому использованию ресурсов, к их расхищению и сбору нелегитимной сословной ренты, что вся система сословного распределения оказалась нефункциональной, что проявилось в феномене всеобщего и официально ничем не компенсируемого дефицита. Выборочные репрессии 60—80-х годов XX века против отдельных работников торговли, общественного питания, милиции и т. д., по-видимому, только способствовали выработке более изощренных способов нецелевого использования ресурсов, усугубляя проблемы их справедливого распределения. Сколько ни сажали нарушителей социалистической законности, дефицит не уменьшался. Нецелевое использование ресурсов, их расхищение и нелегитимный сбор сословной ренты в 60—80-е годы «брежневского застоя» превратились в обыденную практику. Скорее, наоборот, посадки стимулировали развитие теневой экономики и трансформацию ресурсов в товары, которые поступали на «черный рынок», где можно было купить все то, что было «дефицитом» в системе государственного распределения.

Револуция 1991 года, в отличие от Октябрьской революции 1917 года, была относительно мягкой, в ее ходе была разрушена только система согласования интересов советских сословий и сословного распределения ресурсов. До физической ликвидации членов советских сословий дело в России не дошло, хотя некоторые демократы и борцы за справедливость следовали сталинской логике строительства социальной структуры и отстаивали идеи не только декommунизации по образцу денацификации, но и ликвидации «чекистов и коммунистов как класса».

При распаде советской системы возникло огромное количество ранее «общенародных» и по сути бесхозных ресурсов. Освоение этих ресурсов, их расхищение и превращение в товары и деньги, сопряженное с превращением расхитителей в рыночных агентов, составили содержание социальных процессов до конца XX века. Возникший на социальной пустоши рынок, основанный на приватизации ранее всесословной — общенародной собственности, начал развиваться очень высокими темпами. Сопутствующее становлению рынков классовое расслоение быстро — по меркам исторического времени — вызвало противодействие со стороны остатков сословного советского устройства. Пенсионеры и бюджетники, государственные служащие и военные, чекисты и милиционеры своими совокупными требованиями по «наведению порядка», «установлению социальной справедливости» и борьбе с расхитителями «общенародной собственности» — олигархами сформировали предпосылки для ревитализации системы согласования их интересов, сословной системы по частично имперскому, а частично советскому образцам.

Классовому расслоению прежде всего препятствовало и препятствует тщательно культивируемое сословным устройством стремление к социальной справедливости, то есть распределению ресурсов сообразно со статусом сословий. Межпоколенческую трансляцию этого стремления и его идеологию обеспечивает особая и весьма жизнеспособная социальная группа, специфичная для сословного общества, но сама не являющаяся сословием, — интеллигенция.

Интеллигенция всегда противостоит породившему ее сословному общественному устройству, обсуждая и осуждая — в стабильные времена — методы построения институтов справедливого сословного распределения, его принципы, результаты и пропорции, массовые репрессии при борьбе с расхитителями ресурсов и обделенность низших сословий. При перестройках (либерализациях и революциях), когда рыночные начала теснят сословные институты, интеллигенты, которые собственно и составляют осознающее себя сословное общество, сначала становятся влиятельными властными фигурами, а в дальнейшем, обнаружив сопротивление своим властным амбициям, пытаются вернуть жизнь в predetermined их интерпретацией истории русло и построить общество, в котором ресурсы распределяются справедливо. Это для них прежде всего означает, что ресурсами должны быть обеспечены образование, наука, культура, здравоохранение и пр., то есть главные интеллигентские занятия, связанные в основном с институтами сословной социализации. Интеллигенция конструирует образы внешних и внутренних врагов (которые неправильно распоряжаются, владеют или претендуют на владение ресурсами), противодействующих установлению справедливости, и предпринимает мифологические усилия по борьбе с ними.

Интеллигенция при либерализациях становится социальной стратой, обеспечивающей преемственность идеологии сословного мироустройства и создающей условия для появления авторитарных лидеров, стремящихся к созданию сильного, жесткого и «справедливого» (но «прогрессивного») государства, где и у интеллигенции есть свое место. Можно сказать, что существует закон сохранения интеллигенции. В начальные условия этого закона входит существование сословного устройства, которому противостоит интеллигенция, но которое ее воспроизводит как необходимый свой элемент.

В отличие от советских сословий, которые создавались для строительства светлого будущего, новые российские сословия вводятся в отношения служения, так же как, если

верить исследователям, вводились привилегированные сословия имперской России.

За последние годы Федеральным собранием Российской Федерации принято несколько законов о разного рода государственных служениях, которые фактически вводят новое сословное устройство государства по имперскому образцу и определяют модус существования служивых сословий. Такими законами можно считать «О системе государственной службы» и связанные с ним законы о государственной гражданской и военной службах, а также законы о статусе судей, депутатов и о муниципальной и казачьей службах.

Кроме служения подзаконными актами вводятся отношения обеспечения служения и обслуживания. Одни служивые сословия служат, другие служивые сословия обеспечивают служения, третьи — неслуживые сословия — обслуживают служения.

Правоохранительная служба — вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, защите прав и свобод человека и гражданина. Гражданам, проходящим службу в правоохранительных органах, присваиваются специальные звания и классные чины. Точно так же, как в системе военной службы, правоохрана и правоприменение специализируются в зависимости от типов и форм возможных нарушений законов. Граждане, проходящие службу в правоохранительных органах и которым присвоены в соответствии с законодательством РФ специальные звания, являются сотрудниками следующих органов:

- Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России);
- Федеральной миграционной службы (ФМС России);
- Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации (ГФС России);
- Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФСИН России);

- Федеральной таможенной службы Российской Федерации (ФТС России);
- Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России);
- Федеральной службы судебных приставов (ФССП России);
- Государственной противопожарной службы МЧС (ГПС МЧС России).

Можно сказать, что существует закон сохранения интеллигенции. В начальные условия этого закона входит существование сословного устройства, которому противостоит интеллигенция, но которое ее воспроизводит как необходимый свой элемент

Итого выделяется восемь подсословий государственной правоохранительной службы. Обращает на себя внимание то, что закона о правоохранительной службе, аналогичного по статусу законам о военной и государственной гражданской службах, еще нет, он находится в стадии согласования.

В органах Прокуратуры Российской Федерации прокурорским работникам (прокурорам, следователям и некоторым другим категориям федеральных государственных служащих) присваиваются классные чины. Государственным гражданским служащим органов прокуратуры, не относящимся к прокурорским работникам, присваиваются квалификационные разряды (классные чины государственной гражданской службы). Прокуроры и следователи органов военной прокуратуры проходят службу в Вооруженных силах Российской Федерации, пограничных войсках ФСБ России, других войсках, воинских формированиях и органах в соответствии с федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» и обладают правами и социальными гарантиями, установленными федеральными законами «О статусе военнослужащих» и «О прокуратуре Российской Федерации». Им присваиваются воинские звания (офицерского состава). В соответствии со ст. 48 Закона «О прокуратуре Российской Федерации» воинские звания офицеров органов военной прокуратуры соответствуют классным чином прокурорских работников территориальных органов прокуратуры.

Таким образом, работа в прокуратуре не является отдельной службой, а представляет собой совокупность всех государственных служений: государственно-гражданского, военного и правоохранительного. Аналогичные прокурорскому регламенты и нормативная база распространяются на оперативных работников аппарата органов юстиции.

Согласно Закону «О статусе судей» судейские представляют собой отдельное сословие, а федеральные судьи вплоть до районного уровня назначаются на должности персональными указами Президента РФ. Тем не менее существует фундаментальная неясность в их статусе. Судейство представляет собой служение закону, а не государству, и в этом смысле не вписывается в систему государственного служения. Судьи находятся в системе государственного служения, но имеют в какой-то мере уникальный статус, который — в рамках сословного мироустройства — трудно определить, так как никакого иного служения, нежели государственного, в таком мироустройстве не предусмотрено*. В каком-то смысле судейские имеют отношение к правоохранительной службе, однако в законе об их статусе это не оговорено. Государство выплачивает судьям жалование, однако финансирование деятельности судей (судопроизводство) осуществляется из средств Верховного суда РФ через его судебный департамент. Существует по меньшей мере четыре подсословия судейских, различающихся объемом прав и привилегий:

- федеральные судьи,
- конституционные судьи,
- арбитражные судьи,
- мировые судьи.

* Такая гипотеза вполне может претендовать на объяснение того, почему современные социологи никак не могут найти средний класс в нашем общественном устройстве — просто потому, что его пока нет, как нет низших и высших классов. Вместо классов формируются более или менее привилегированные сословия, права и повинности которых закреплены в законе.

Неопределенность взаимного иерархического положения подсословий, сравнимых по государственной значимости служения, проявляется, в частности, в борьбе за повышение статусов сословий, во взаимных «наездах» и попытках передела разнаряженных ресурсов: чекисты наезжают на ментов, менты на прокурорских, прокурорские на военных, военные на чекистов, чекисты на судейских, обвиняя друг друга, среди прочего, в коррупции и служебном несоответствии. И все вместе «наезжают» на государственных гражданских служащих, мотивируя наезды тем, что они не обеспечивают необходимого для служения и обеспечения служения потока ресурсов из федерального бюджета. В ходе «наездов» складываются ситуативные иерархии сословий, различные в регионах страны.

Особую сословную категорию представляют собой осужденные за правонарушения, подследственные и другие ограниченные законами в правах, такие как психически больные люди. Для них определение статуса осуществляется по закону, так же как и для титульных сословий, но негативным образом, через лишение или ограничение прав и наложение дополнительных обязанностей сообразно тяжести правонарушения. Членство в этом сословии принудительное и является кумулятивным результатом деятельности членов титульных сословий, в частности их служения в области контроля за ресурсными потоками. В какой-то сте-

пени к ограниченным в правах приходится причислять служащих в военной организации государства по призыву, «забранных в армию».

Есть также фундаментальная, с моей точки зрения, неясность в определении такой формы правоохранительного служения, как исправление наказаний в части статуса наказанных. Люди, занимающиеся исполнением наказаний, несут военную (внутренние войска) или правоохранительную (Минюст и МВД) службу. Исполнение наказаний неотделимо от наказанных – заключенных, подследственных, поднадзорных. Исполнение наказаний является титульным служением, и, значит, правонарушение и последующее наказание также имеет некий оттенок титульности. То есть заключенные, подследственные и поднадзорные могут рассматриваться как титульное сословие со своими правами, обязанностями и привилегиями, существующее постольку, поскольку есть те, кто наказание исполняет и несет тем самым титульную службу.

Сословная идентификация осужденных, судимых и других ограниченных в правах достаточно ясна. Если они находятся в местах лишения свободы, то имеют четкие отличительные признаки – форму одежды, в частности. В ходе сословной социализации в зонах они приобретают и иные отличия, такие как специфический диалект, натальная графика, походка. На воле члены этого сословия демонстрируют приобретенные навыки, а также одеваются специфичным образом. Заключенные и другие ограниченные в правах получают пайку.